

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора к русскому изданию	11
Некоторые замечания о записи языка пираха	13
Предисловие	15
Пролог	16

Часть первая. Быт

Глава 1. Открытие мира пираха	23
Глава 2. Амазония	42
Глава 3. Цена миссионерства	49
Глава 4. Порой мы ошибаемся	74
Глава 5. Материальная культура. Отсутствие ритуалов	86
Глава 6. Семья и община	100
Глава 7. Природа и непосредственность восприятия	128
Глава 8. Юноша по имени Тукаага: убийство в индейском обществе	154
Глава 9. Земля свободных	161
Глава 10. Кабокло: этюды из жизни амазонских бразильцев	170

Часть вторая. Язык

Глава 11. Фонетика пираха и ее влияние на каналы дискурса	189
Глава 12. Лексика пираха	207
Глава 13. Насколько нам нужна грамматика?	218
Глава 14. Ценности и мышление: симбиоз языка и культуры	226
Глава 15. Рекурсия: язык как матрешка	243
Глава 16. «Кривоголовые» и «прямоголовые»: взгляд на язык и истину	265

Часть третья. Заключение

Глава 17. Обращение миссионера	285
Эпилог: зачем нужно беречь иные культуры и языки?	296
Благодарности	301

Три послесловия

От составителя	307
<i>Дронов П. С.</i> Так ли уж несовместимы точки зрения Д. Эверетта и генеративистов?	309
<i>Никулин А. В.</i> Насколько необычен язык пираха?	325
<i>Кошелев А. Д.</i> Пираха как пример языка, «застывшего» на начальной стадии эволюции.	341

Эта книга — о прошлом. А жизнь — о настоящем и будущем. Поэтому я посвящаю книгу своей жене, Линде Энн Эверетт, моей неизменной опоре. Любить друг друга — это здорово.

Это был мой первый и важнейший урок в исследовании подобных малоизвестных областей знания: не тушеваться, если большие ученые мне не верят, не соглашаться, когда они обвиняют меня в нечестности, в неумении, не поддаваться под грузом доказательств, собранных в ходе многократных наблюдений другими людьми — пусть даже честными и здравомыслящими. Ведь вся история науки доказывает, что в любую эпоху, когда серьезные ученые априори отрицают факты, найденные другими исследователями, так как эти факты якобы абсурдны и невозможны, — отрицавшие всегда оказываются неправы.

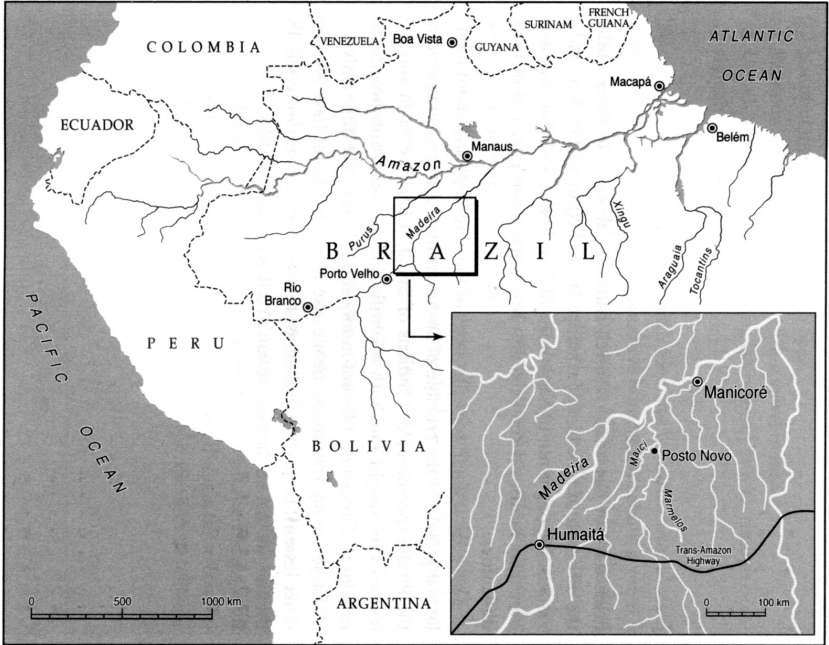
Альфред Уоллес¹ (1823—1913)

Мы вовсе не обязаны разделять предрассудок, будто сущность человека яснее всего видна лишь в тех проявлениях человеческой культуры, которые везде одинаковы, а не в тех, которые составляют особенность того или иного народа... Возможно, именно в особенностях — даже странностях — отдельных культур кроются наиболее поучительные сведения о том, что такое человек вообще.

Клиффорд Гирц² (1926—2006)

¹ Британский натуралист, географ и антрополог (*прим. ред.*).

² Американский антрополог и социолог, основатель интерпретативной антропологии. Ряд книг опубликован на русском языке, в частности: *Гирц К. Интерпретация культур*. М.: РОССПЭН, 2004 (*прим. ред.*).

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Я с огромной радостью приглашаю русских читателей познакомиться с моей книгой «Не спи — кругом змеи!». Приезжая в Россию, я всякий раз приходил в восторг от красоты ее природы, богатства истории, от гостеприимства ее жителей, а также оттого, что это родина моих любимых писателей. Во время работы с пираха, коренными жителями бразильской части бассейна Амазонки, случалось так, что я заболел, впал в уныние, был обескуражен или просто уставал, и тогда я часто обращался к Достоевскому, чтобы научиться справляться с самыми большими трудностями.

С годами вокруг моих описаний языка пираха возникло очень много споров — куда больше, чем можно было ожидать. В ответ на эти возражения я написал несколько статей. В 2016 г. в журнале «PLOS One»¹ вышла новая важная работа за авторством группы сотрудников кафедры нейробиологии и когнитивной лингвистики в Массачусетском технологическом институте (Department of Brain and Cognitive Sciences, Massachusetts Institute of Technology). Их работа в целом подтверждает мою. Хотя разногласия будут существовать всегда, за годы, прошедшие с момента написания моей книги, наблюдения за прекрасными языком и культурой пираха повлияли на науку по всему миру. Продолжая исследования, я написал еще несколько книг, которые были приняты благосклонно: «Язык как инструмент культуры» (*Language: The Cultural Tool*, 2012); «Темная материя разума: Бессознательное, выраженное в культуре» (*Dark Matter of the Mind: The Culturally Articulated Unconscious*, 2016). Кроме того, сейчас я работаю над еще одной, и она будет называться «Как появился язык» (*How Language Began*).

¹ Futrell R., Stearns L., Everett D. L., Piantadosi S. T., Gibson E. A Corpus investigation of syntactic embedding in Pirahã [Электронный ресурс] // PLOS ONE. 2016. Vol. 11 (3). Режим доступа: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0145289>

Кроме того, после опубликования «Не спи — кругом змеи!» был снят документальный телефильм «Грамматика счастья» (*Grammar of Happiness*), а в Лондоне на основе этой книги поставили одноименный спектакль. Народ пираха оказал воздействие не только на науку: важнее то, что его культура и язык повлияли на отношение многих людей к жизни. Люди из самых разных стран пишут мне о том, как в трудную минуту пираха помогли им по-новому взглянуть на жизнь.

Когда я впервые приехал к пираха, я был двадцатипятилетним миссионером, отцом троих детей. Я искренне верил в Бога и хотел обратить индейцев в свою веру. Вместо этого пираха обратили меня, сделав свободомыслящим атеистом. За это я им глубоко благодарен. Хотя после этого наш брак с Керен распался, я сохраняю доверительные отношения с детьми. У меня семеро внуков. Мой старший сын, Каллеб, стал профессором антропологии в Университете Майами. Кристин, моя младшая дочь, руководит фармацевтической компанией, но раз в год на два месяца уезжает в Замбию волонтером и работает там медсестрой. Старшая дочь, Шеннон, живет в Бразилии и продолжает заниматься миссионерской деятельностью. А моя бывшая жена Керен до сих пор живет в амазонских джунглях и не сомневается, что когда-нибудь приведет пираха ко Христу.

Я никогда не перестаю думать об этом народе и на будущий год собираюсь снова поехать к ним, чтобы провести ряд новых исследований.

Я знаю индейцев пираха едва ли не сорок лет, а почти восемь лет я жил среди них — и каждый день благодарю их за это.

Дэниел Л. Эверетт,
Питерсем, штат Массачусетс,
апрель 2016 г.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ЗАПИСИ ЯЗЫКА ПИРАХА¹

Хотя набор звуков (фонем) в языке пираха один из самых бедных в мире, правильное произношение все же может оказаться трудным без небольшой подготовки. Ниже я предлагаю приблизительное описание произношения пираха, используя алфавит, который мы разработали вместе с моими предшественниками-миссионерами Арло Хайнриком и Стивом Шелдоном².

b — в начале слова произносится *m*. Между гласными *i* и *o* произносится особый *дрожащий звук*; таким звуком дети изображают шум автомобиля (в русском языке примерным аналогом является междометие *тпру*. — *Прим. пер.*). В остальных случаях произносится *b*.

g — в начале слова произносится *n*. Между гласными *i* и *o*, как в слове *xibogí* (молоко), произносится либо *z*, либо звук наподобие *л*, которого нет ни в одном другом языке мира. Для этого нужно произнести *л*, слегка высунув язык, чтобы его кончик коснулся нижней губы. В остальных случаях произносится *z*.

p — произносится *n*.

t — произносится *m*.

k — произносится *k*.

¹ Порт. *pirahã* (*ã* обозначает носовой гласный). В русском языке встречаются варианты *пираха*, *пирахан*, *пираа*. Из них более частотны первые два. В данной работе принято написание *пираха* (*прим. ред.*).

² Как можно увидеть ниже, транскрипция Эверетта, Хайнрикса и Шелдона является фонематической и не учитывает прочтения позиционных вариантов тех или иных фонем. Во избежание разночтений, в тексте перевода используется транслитерация, основанная на данной транскрипции. В данной транслитерации гортанная смычка (*x* в записи Эверетта) передается с помощью апострофа во всех позициях кроме начальной (например *xa*); в последнем случае она опускается (*Xoogíái* — *Ooquau*). Тоны не передаются. Оригинальное написание в эвереттской транскрипции дается в скобках (*прим. пер.*).

х — гортанная смычка. Это звук, который мы слышим в середине слова *he-a*. В английском (как и в русском. — *Прим. пер.*) языке он не является самостоятельным звуком, и отдельной буквы для него поэтому тоже нет.

s — произносится *s*, а перед буквой *i* произносится *ш*.

h — произносится как глухой гортанный звук, как в английском *here*.

i — обычно произносится как краткое *и*, но иногда может означать краткое э. В некоторых случаях произносится долгое *и*.

a — произносится *a*.

o — обычно произносится *у*, но иногда означает *о*.

Пираха — тоновый язык, в котором каждый гласный звук имеет высокий или низкий тон, в зависимости от его функции или позиции слова в предложении. В транскрипции отображается только высокий тон, обозначаемый с помощью акута (´) над гласной буквой; отсутствие надстрочного знака указывает на низкий тон. Высокий тон в языке пираха близок к произношению ударных слогов в английском языке, ср. *PERmit* ‘разрешение’ и *perMIT* ‘разрешать’³.

В основном я старался переводить речь пираха на литературный английский. Из-за этого в переводе индейцы говорят не совсем так, как на родном языке: например, в переводе иногда появляется рекурсия, которой в языке пираха нет. Если вы хотите побольше узнать о грамматике пираха, вы можете обратиться к рассказам индейцев, которые приведены в этой книге или в моих научных трудах о пираха, например в моей главе первого тома «Справочника по языкам Амазонии» (*Handbook of Amazonian Languages*) под редакцией Дезмонда Дербишира и Джеффри Паллема, вышедшем в издательстве «Мутон»⁴. Рассказы, включенные в эту книгу, удовлетворяют любопытство большинства читателей в том, что касается грамматики, так как они даны с подстрочным переводом (хотя его, вероятно, труднее читать, если вы не владеете пираха).

³ В первой части книги, когда автор пытается передать звучание языка пираха, тоны также отображаются с помощью курсива и прописных букв (*прим. пер.*).

⁴ Everett D. L. Pirahã // Derbyshire D. C., Pullum G. K. (eds). *Handbook of Amazonian Languages*. Vol. 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. P. 200—325 (*прим. пер.*).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ученые — это не только коллективы профессионалов в белых халатах, работающие под руководством какого-нибудь знаменитого специалиста. Это еще и одинокие первопроходцы, упрямо бредущие к своей цели сквозь трудные времена и непреодолимые преграды: они сбиваются с пути, гибнут под тяжестью непосильной задачи, но не теряют решимости обрести новое знание.

Эта книга посвящена труду ученых второго типа: поискам и открытиям в самом сердце амазонской культуры, среди индейцев племени пираха в Бразилии. Она расскажет об этих людях, о том, какие уроки — и в научном, и в человеческом смысле — они преподали мне, и о том, как это знание полностью перевернуло мою жизнь.

Но это был мой опыт. Другой человек, несомненно, вынес бы из этих уроков иной смысл. У будущих поколений исследователей будет уже своя, иная история. В конце концов, мы все всегда стараемся как можно проще и яснее рассказать именно свою историю.

Пролог

- Смотри, вон он! Дух Игагаи (*Xigagai*)!
- Вижу. Он нам угрожает.
- Идите все смотреть на Игагаи! Быстро! Он на берегу!

Я вынырнул из глубокого сна, еще не понимая, приснились мне голоса или они звучат наяву. Было полседьмого утра, суббота, август, сухой сезон 1980 г. Уже светило солнце, но жара еще не наступила. До моей неказистой хижины на полянке возле берега долетал ветерок с реки Маиси (*Maici*). Я открыл глаза и увидел крышу из плетеных пальмовых листьев над головой, когда-то желтую, но посеревшую за долгие годы от пыли и золы. По бокам от моего жилища стояли две хижины пираха — похожие на мою, но немного меньше. В них жили Ахоабиси (*Xahoábisi*) и Кохоибииихиаи (*Kóhoibíihiai*) с семьями.

По утрам по селению пираха обычно разносился слабый запах дыма от кухонных костров, а теплое бразильское солнце светило мне в лицо через москитную сетку. Обычно дети шумно гонялись друг за другом и громко смеялись или же подзывали няньку плачем, так что слышало все селение. Лаяли собаки. Часто, открыв глаза и пытаясь стряхнуть сон, я замечал, что в щель между листьями пальмы-пашиубы, из которых сделана стенка хижины, за мной следит ребенок пираха, а иногда и взрослый. Но сегодня все было иначе.

Шум и крики индейцев окончательно разбудили меня. Я сел и огляделся. Метрах в шести от моей хижины, на высоком берегу реки Маиси, собралась толпа. Все яростно размахивали руками и кричали, глядя на тот берег реки ровно напротив моего дома. Я вылез из кровати, чтобы взглянуть поближе: спать при таком шуме все равно невозможно.

Я поднял с пола шорты и проверил, нет ли в них тарантула, скорпиона, многоножки или еще какого-нибудь незваного гостя. Затем я оделся, сунул ноги в шлепанцы и вышел. Индейцы собрались сразу справа от входа в мой дом. Они распалились все больше. Я видел, как

по тропинке к ним спешили женщины с младенцами на руках; они настолько торопились, что дети едва могли удержать во рту материнскую грудь.

Женщины эти были одеты в те же платья до колен без рукавов и ворота, в каких они и работали, и спали; от грязи и дыма одежда принимала темно-бурый цвет. На мужчинах же были либо шорты, либо набедренные повязки. (Луков и стрел видно не было, и я вздохнул с облегчением.) Дети ходили голыми, их кожа от долгого нахождения на воздухе загоревалась. У младенцев были мозоли на задку — здесь они почему-то ползают по земле в сидячем положении, а не на четвереньках. И все были перепачканы пеплом и золой, потому что спали или сидели у костра.

Было градусов двадцать, но уже влажно, хотя до полуденной жары под сорок еще далеко. Я протер глаза и повернулся к Кохои, который больше всех обучал меня языку. «Что случилось?» — спросил я его. Он стоял справа от меня; его сильное, худощавое, коричневое от загара тело все напряглось, и он не сводил глаз с того берега.

— Ты что, не видишь? — спросил он недовольным тоном. — Игагаи, из тех, что живут за облаками, стоит на том берегу и кричит, что убьет нас, если мы только ступим в джунгли.

— Где он? — спросил я. — Я не вижу.

— Да вот же! — рявкнул Кохои, всё так же уставившись на тот берег, где вроде бы никого не было.

— За деревьями на том берегу?

— Нет, прямо у реки. Открой глаза! — ответил он раздраженно.

Живя с пираха в джунглях, я часто не замечал животных, которых они видели без труда. Мои непривычные к лесу глаза просто не умели смотреть так же, как глаза индейца.

Но сейчас творилось что-то другое. Даже я мог с уверенностью сказать, что на белом песчаном берегу, меньше чем в ста метрах от нас, не было ни души. И хотя я был в этом совершенно уверен, пираха были не меньше моего уверены, что там кто-то есть. Может быть, я все пропустил, он уже исчез? Нет, уверяли меня пираха, Игагаи не ушел.

Все продолжали смотреть в ту сторону. Тут я услышал голос своей дочери Кристин:

— Папа, на что они смотрят?

— Я не знаю. Ничего не вижу.

Крис встала на цыпочки и тоже посмотрела на тот берег. Потом на меня. Потом на индейцев. Она тоже ничего не понимала.

Мы оставили индейцев и пошли назад в хижину. Что это было? Вот уже более двадцати лет прошло с того дня, а я все пытаюсь понять, что же это значит, если две культуры — европейская и пираха — так непохоже видят мир. Я так и не смог убедить пираха, что на берегу никого не было. Но и они не могли убедить меня, что там кто-то был, тем более злой дух.

Я ученый, и объективность — одна из важнейших ценностей для меня. Раньше я думал, что если как следует постараться, то можно увидеть мир глазами других и тем самым научиться больше уважать взгляды друг друга. Но, живя среди пираха, я осознал: наши ожидания, культурный багаж и жизненный опыт порой так разнятся, что картина общей для всех действительности становится непереводаема на язык другой культуры.

Уходя из моей хижины к себе спать, индейцы пираха прощаются со мной по-разному. Иногда они просто говорят: «Ну, я пошел». Но часто они произносят другую фразу, которая сначала казалась мне странной, но со временем стала одной из самых любимых. Они говорят: «Не спи — кругом змеи». Так говорится по двум причинам. Во-первых, пираха считают, что если спать меньше, можно «закалиться», а это у них ценится. Во-вторых, они знают, что в джунглях опасности подстерегают на каждом шагу, а крепкий сон лишает человека защиты от многочисленных хищников, что бродят вокруг селения. Поэтому пираха смеются и болтают до глубокой ночи; сразу помногу они не спят. Мне редко приходилось слышать, что в селении все затихло, или видеть, что кто-то спит несколько часов подряд.

За эти годы я научился у пираха многому, но это, наверное, самый ценный урок. Да, жизнь тяжела и полна опасностей. И иногда нам из-за них не до сна. Но научитесь радоваться и этому. Жизнь продолжается.

Я отправился к пираха, когда мне было двадцать шесть. Сейчас я уже в том возрасте, когда не стыдно воспользоваться скидкой для пенсионеров. Я отдал индейцам свою молодость. Много раз переболел малярией. Пираха, да и не только они, не раз угрожали убить меня. Нет числа всем тем ящикам, мешкам и бочкам, что я перетаскал за эти годы по джунглям на собственной спине. Но все мои внуки знают племя пираха. Мои дети стали теми, кем стали, во многом благодаря пираха. А кое-кто из тех стариков-индейцев (да, мы все стареем), которые когда-то угрожали меня убить, — как я сейчас понимаю, самые близкие мои друзья, готовые жизнь отдать ради меня.

Моя книга — о тех уроках, что я вынес за тридцать лет изучения пираха и жизни в их племени. Все эти годы я отчаянно пытался понять, как они видят и понимают мир, как они о нем говорят, и сообщить об этом моим коллегам-ученым. Этот путь привел меня в места небывалой красоты, пусть подчас и заводил туда, куда мне совсем не хотелось. Но я рад, что прошел его до конца: он дал мне бесценное знание о самой сути жизни, языка и разума, которое невозможно обрести иначе.

Пираха показали мне, что можно с достоинством и подлинной радостью встречать жизнь и смерть лицом к лицу, не уповая на небеса и не страшась преисподней, что можно с улыбкой идти навстречу великой бездне. Этому я научился от них, и за это я буду им благодарен всю свою жизнь.